

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Философская мысль: рецепция и интерпретация

ФИЛОСОФСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВИКТОРА КУЗЕНА (к истории рецепции идей немецкой философии во Франции в XIX в.)

И.И. БЛАУБЕРГ

В январе 2013 г. Германия и Франция отметили 50-летие подписания Елисейского договора о дружбе и сотрудничестве, в котором было документально закреплено примирение между двумя европейскими державами, долгое время выступавшими как политические и военные противники. История их взаимоотношений знала много мрачных страниц, и, как хорошо известно, это касается не только XX в.: не углубляясь в седую древность, вспомним франко-прусскую войну XIX столетия, а до того — наполеоновские войны... Конечно, сложные политические отношения препятствовали налаживанию культурных контактов, но все же поставить им непреодолимые границы не могли. Мы рассмотрим здесь один из характерных примеров философских взаимодействий, благоприятная возможность для которых представилась в эпоху Реставрации во Франции, когда власть в этой стране после свержения Наполеона Бонапарта вернулась в руки Бурбонов. Одной из важнейших фигур в этих контактах оказался Виктор Кузен (1792 — 1867), впоследствии очень существенно повлиявший на развитие философии и в целом системы образования во Франции. Осуществленная им рецепция идей тогдашней немецкой философии стала знаменательным событием в культурной жизни его родины и важным стимулом для тех процессов, которые оказали серьезное воздействие на философскую мысль не только XIX, но и XX столетия.

Эта тема интересна еще и тем, что в определенной мере проясняет контекст развития философии во Франции XIX в., представление о котором у нас пока не просто неполно, а скорее изобилует белыми пятнами¹. Само наше историко-философское образование в советский период строилось так, что после изучения французского Просвещения, материализма и сенсуализма XVIII в. мы фактически сразу «перескакивали» в конец XIX столетия, к философии Бергсона, по пути слегка коснувшись контовского позитивизма. В результате мы обходили стороной почти целое столетие, философская жизнь

которого была, однако, вполне разнообразной и интенсивной. Правда, многие современники характеризовали этот период как «кризис в философии», но разговоры о кризисе, наверно, почти столь же древни, сколь сама философия. Именно в XIX в. во французской философии разрабатывались темы, которые, пусть и с иными акцентами, в других теоретических конstellляциях, заявили о себе и в следующем столетии. Одним из ведущих направлений стал в эту эпоху спиритуализм, сторонники которого, исходя из утверждения духовного начала универсума, из признания существования Бога и бессмертия души, исследовали проблемы сознания и бессознательного (подсознательного), воли и действия, аффективности и телесности и др.

Воздействие идей мыслителей этого времени испытали на себе А. Бергсон, Л. Лавель, Ж. Набер, П. Рикёр и многие другие философы. Так, учение Бергсона имеет несомненную генеалогическую связь с воззрениями французских спиритуалистов XIX в. — Мен де Бирана, Равессона, Лашелье и Бутру². Поль Рикёр тоже прошел в свое время «школу» спиритуализма: его магистерская диссертация 1934 г. была посвящена проблеме Бога у Лашелье и Ланьо, на работы Мен де Бирана и Равессона он ссылался в книгах «Философия воли», «Я-сам как другой» и др. Рикёр называл это течение мысли рефлексивной философией, рассматривая его как один из истоков своей концепции. Число примеров можно было бы умножить. В целом несомненно, что исследователей ждет здесь непочатый край работы, которая позволит, среди прочего, углубить представления об истоках и путях развития французской философии XX — начала XXI вв.

Виктор Кузен сыграл важную роль в процессе становления и институционального оформления спиритуализма. Примечательно уже сама его биография: «дитя Французской революции», он стал впоследствии создателем официальной идеологии Июльской монархии (1830 — 1848) — так называемого эклектического спиритуализма. Но расскажем обо всем по порядку. Кузен родился в Париже 28 ноября 1792 г. в семье рабочего-ювелира и гладильщицы. Успешно окончив лицей Карла Великого, он в 1810 г. поступил в Нормальную школу (эпитет «Высшая» она получила позднее), а два года спустя стал репетитором в этой же школе, ведя занятия по греческому языку и философии. Вспоминая впоследствии своих учителей, Кузен отмечал как крупные события своей жизни лекции П. Ларомигьера и П. Руайе-Коллара. Лекция первого из них в 1811 г., писал он, «определила всю мою жизнь... Я не Мальбранш; но, слушая г-на Ларомигьера, я испытал то же, что, как говорят, пережил Мальбранш, случайно открыв трактат Декарта. Г-н Ларомигьер преподавал философию Локка и Кондильяка, удачно измененную в некоторых пунктах... Нормальная школа принадлежала ему вся целиком»³.

На следующий год лекции Руайе-Коллара, последователя шотландской школы здравого смысла, изменили философские интересы Кузена: строгостью своей логики и весомостью суждений Руайе-Коллар постепенно, преодолевая сопротивление ученика, показал ему иной путь в философии, чем путь сенсуализма. Наконец, еще одним учителем, тоже многое давшим Кузену, стал Мен де Биран — мыслитель, которому во Франции «не было равных по таланту внутреннего наблюдения, тонкости и глубине психологического чутья»⁴. У своих наставников, особенно Бирана, Кузен почерпнул идею о значении психологического метода, внутреннего наблюдения, открывающего факты сознания (для Бирана таким первоначальным фактом было сознание волевого усилия). Добавим, что именно Кузен стал первым издателем сочинений Бирана, которого высоко оценили впоследствии многие философы XX столетия, в том числе Бергсон, Рикёр, а также известный французский феноменолог Мишель Анри⁵.

Эти три школы мысли — сенсуализм, шотландская школа и биранизм — и явились для Кузена той почвой, на которую упали вскоре семена совсем иных философских устремлений.

Уже с 1815 г. Кузен начал преподавать в Сорбонне, где его лекции пользовались успехом (одним из его слушателей был в ту пору Оноре де Бальзак). Здесь он сменил Руайе-Коллара на кафедре истории современной философии. Он углубился в учение шотландской школы, хорошо знал и излагал студентам воззрения Томаса Рида и Дугалда Стюарта. Как он вспоминал позднее, преподавание в Нормальной школе и Сорбонне отнимало у него столько времени, что на отдых ничего не оставалось: весь мир сузился до границ Латинского квартала. Между тем, постепенно он начал осознавать, что внутренне перерос своих прежних учителей; его перестало удовлетворять то, что он вынес из их лекций и трудов. Стремясь хоть на время вырваться из привычного круговорота занятий, Кузен стал мечтать о путешествии за границу, которое можно было бы совместить с приобретением новых знаний. «Мои взоры обратились к Германии, философия которой, долго остававшаяся на немецкой почве и отделенная от Франции войной, начала появляться на европейской сцене»⁶. Его интерес к немецкой философии подхлестнула и книга Жермены де Сталь «О Германии», где известная французская писательница, поклонница Руссо и противница Наполеона, создала многоплановую картину немецкой культурной жизни, в том числе сделав краткие обзоры «новой германской философии» — учений Канта, Фихте и Шеллинга (на французском языке эта книга была издана в 1814 г.)⁷.

Кузен углубился в латинский перевод сочинений Канта — «варварский» перевод Борна, единственный существовавший к тому времени во Франции (кстати, первые исследования о философии Канта появились здесь еще в начале XIX в.), и параллельно стал изучать не-

мецкий язык. Постепенно он освоил язык настолько, что смог сверять по оригиналам особенно интересовавшие его места из работ Канта, и в 1817 г. уже прочел курс лекций, посвященный обоим первым Критикам. Так он прожил два года, «словно заживо погребенный в подземельях Кантовой психологии и озабоченный единственно переходом от психологии к онтологии»⁸. Впоследствии он опубликовал в «Обзрении двух миров» (*Revue des Deux Mondes*)⁹ статью «Кант и его философия», в которой, очевидно, использовал курс лекций, прочитанный в свое время в Нормальной школе, а также более поздние материалы. Здесь отмечается, что вначале учение Канта не произвело большого впечатления на французских читателей, возможно из-за сложности восприятия непривычной терминологии. Работы Канта, по мнению Кузена, «плохо написаны», а немецкий язык по своему синтетическому характеру не похож на аналитический французский, что также затрудняет восприятие. Вместе с тем, Кузен подчеркивает роль Канта в преодолении догматизма всех видов, «великих гипотез» идеализма XVII в., а также произвольных построений сенсуализма. «Кант — отец немецкой философии: он автор или, скорее, орудие величайшей философской революции, произошедшей в современной Европе после Декарта. Ведь всякая революция, достойная этого названия, — дочь времени, а не одного человека»¹⁰. Самое важное в учении Канта Кузен видел в его методе, принципы которого он подробно излагает в данной статье.

С помощью учителя немецкого языка Кузен также прочел некоторые сочинения Фихте, однако других тогдашних немецких философов знал лишь по вторичной литературе, в том числе по обзорам Дежерандо и книге де Сталь «О Германии». Уже в тот период его все больше интересовала философия природы, и он понимал, что найти ее сможет только в Германии. Он надеялся, что пребывание в этой стране, личное знакомство с ее мыслителями помогут ему подготовиться к дальнейшему серьезному изучению «самой знаменитой философии» того времени.

Наконец, летом 1817 г. он отправился в Германию. Его путешествие на другую сторону Рейна было очень насыщенным; оно принесло Кузену новые впечатления, встречи и беседы, во время которых он постепенно начал разбираться в сути проходивших в Германии философских дискуссий, оценил «поле битвы, силы и руководителей разных партий»¹¹. Неоднократно впоследствии, став уже известным философом, главой философской школы, он возвращался в мемуарах к этой поездке. При чтении его воспоминаний, опубликованных в 1857 и 1860 г. в «Обзрении двух миров»¹², приходят на ум «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, который посетил Германию за два с лишним десятилетия до Кузена, во времена Французской революции, и живо передал свои впечатления от встреч с немецкими

философами и писателями. Как и Карамзин, Кузен отправился познавать мир совсем еще молодым человеком: ему исполнилось тогда 25 лет, и на его стороне было, помимо прочего, преимущество «философской невинности».

«По природе немцы, — писал он, — экспансивны и доверчивы; их трогал вид профессора из Парижа, который преодолевал три и четыре сотни лье, чтобы осведомиться о системах, слывших удивительными в стране Кондильяка и де Траси. У меня было еще одно большое преимущество: я был молод и безвестен; я никому не внушал зависти; я привлекал людей самых различных взглядов, надеявшихся заманить под свои знамена этого пылкого и умного ученика, которого им послала Франция»¹³. В первый свой приезд Кузен посетил Марбург, Гёттинген, Берлин, Дрезден, Йену, Лейпциг, Вюрцбург, Франкфурт, Гейдельберг и другие города. Программа его знакомства с Германией была очень разнообразной. Его интересовала немецкая история, философия, культура, искусство, литература, а также система образования, которую он стремился изучить как можно детальнее.

В мемуарах Кузен излагает историю городов, описывает обычаи немецкого студенчества, рассказывает о правах и структуре университетов, об устройстве библиотек. Посещая университеты, он встречался с философами и теологами; в Берлине познакомился со Шлейермахером, во Франкфурте — с писателем, теоретиком романтизма Фридрихом Шлегелем, братом Августа Вильгельма Шлегеля, известного ему еще по Парижу. Славу наиболее выдающихся философов делили в то время, как Кузен узнал от Шлегеля, Баадера, Якоби и Шеллинг. Но с идеями первых двух Кузен был уже знаком по изложению их последователей, и они не произвели на него сильного впечатления. Шеллинга же, преподававшего в ту пору в Мюнхене, он смог посетить лишь через год. Добавим здесь, что в разные свои приезды в Германию Кузен несколько раз побывал в Веймаре у Гёте, причем последний раз — незадолго до смерти великого мыслителя.

В Марбурге Кузен встретился с историком философии В.Г. Теннеманном, последователем Канта, который подарил ему свой учебник — очень авторитетное в то время издание по истории философии. В 1829 г. оно стало доступно французским читателям благодаря переводу, подготовленному Кузенем, и сыграло важную роль в историко-философском образовании его соотечественников.

Кузен восхищался живописными пейзажами и уютными городками Германии, но нередко испытывал и совсем другие чувства. В его мемуарах читаем: «Можно ли провести несколько дней в Лейпциге и уклониться от воспоминаний о гигантском сражении, где решилась судьба Франции? Тщетно я говорю себе, что эта катастрофа явилась неизбежной карой за безрассудные амбиции Наполеона и что было бы нелепо корить в этом Германию, коль скоро она решительно

потребовала независимости и сбросила тяготившее ее ярмо. Нет, беспристрастная история не может оправдать Наполеона ни в его проекте всемирной монархии, ни еще менее, возможно, в методах его осуществления. Известное европейское равновесие, с умеренными расширениями, смотря по обстоятельствам, — вот единственный справедливый и разумный план в XIX веке. ... Так думает, а в случае необходимости сказал бы философ; но француз во мне жестоко страдает при виде этих мест, напоминающих о недавних бедствиях»¹⁴. С высоты Лейпцигской обсерватории Кузен обозревал театр былых военных действий, во всех деталях представляя себе ход сражения.

Постепенно представления Кузена о Германии, ее истории, культуре, духовной жизни обогащались; расширялся и философский кругозор. Он вел с немецкими коллегами беседы о политике, философии, культурных событиях. Характерен в этом смысле его разговор с йенским профессором Я.Ф. Фризом, рассказавшим ему о том, что рейнские провинции, столь страдавшие при Наполеоне, сожалеют теперь об утрате либеральных институтов, созданных в период Империи: «Все мы в Германии смотрим на Францию, ту Францию, которая первой провозгласила в 1789 г. свободу и права человека, не только для себя, но для всего рода человеческого. .. Вы счастливее нас; вы — это нация», — говорил Фриз¹⁵.

Встреч было много, однако главное, можно сказать, провиденциальное, событие этого путешествия произошло, как нередко бывает, почти случайно. Откликаясь на предложение знакомого, Кузен заехал на несколько дней в Гейдельберг, где в ту пору преподавал Гегель. Он не пользовался тогда такой известностью, как Шеллинг; его «Энциклопедия философских наук» незадолго до того увидела свет. Но Кузен с первой беседы оценил его значение, угадал в нем человека исключительного. Двух философов связала искренняя симпатия, и нет сомнений, что Кузен, вспоминая впоследствии о дружбе с некоторыми немецкими мыслителями, которая с годами только крепла, а прервана была лишь смертью, имел в виду прежде всего Гегеля. Между тем общаться им было непросто: Гегель, по словам Кузена, говорил по-французски столь же плохо, как сам Кузен по-немецки. В отличие от католика Шлегеля, сторонника абсолютной власти в государстве и религии, Гегель разделял приверженность Кузена «принципам 1789 г.», восхищался Французской революцией, интересовался ее историей, что служило постоянной темой их бесед.

При первой встрече Гегель вручил ему экземпляр «Энциклопедии», и Кузен активно взялся за ее изучение, но вскоре столкнулся с сильными затруднениями. Его как-то настораживал размеренный ритм гегелевских триад. В «Энциклопедии», свидетельствовавшей, по его словам, об «удивительной силе ума», его поразили и сразу вызвали смутные подозрения симметрия, параллелизм, неуклонный порядок

трехчастных делений. Так, выдвигая возражения против Логики, он писал: «Общая идея бытия самого по себе, чистого и неопределенного бескачественного бытия, *das in sich Seyn*, не дана нам первой; она приходит лишь после особенной идеи того или иного определенного бытия... Такой [т.е. гегелевский] порядок есть, на наш взгляд, инверсия истинного порядка»¹⁶. И каким образом — недоумевал Кузен — происходит развитие, если категория причинности, без которой его невозможно понять, появляется в гегелевской системе лишь к концу второй части Логики; в неопределенном бытии, без качества и количества, причинности не существует. По его мнению, ложность первой триады (бытие, ничто, становление), поражающая гегелевскую систему в самой сердцевине, сказывается и на других ее частях. «Все эти столь единообразно упорядоченные классификации триад»¹⁷ показались Кузену искусственными и произвольными, а потому, сомневаясь в исходных принципах учения Гегеля, он предпочитал обсуждать с немецким мыслителем их «приложения», т.е. вопросы религии, искусства, истории, политики, истории философии. Далеко не все понимая в его философских идеях, Кузен чувствовал: «Между г-ном Гегелем и мною было во всяком случае нечто общее, — общая вера в философию, убеждение, что для человеческого духа существует или может существовать наука, поистине достойная этого названия, которая достигает не только видимости, но реальности вещей, выражает не только изменчивые грезы человеческого воображения, но подлинную природу сущностей»¹⁸.

В Гейдельберге Кузен посетил братьев Буассере, коллекционеров, которые познакомили его, в частности, с работами старых немецких мастеров (впоследствии их коллекция стала важной частью знаменитой мюнхенской Старой Пинакотекы). Там же он встретился с Георгом-Фридрихом Крейцером, профессором классической филологии Гейдельбергского университета, специалистом по неоплатонизму. Крейцер готовил в то время новое издание сочинений Платона. Эта встреча была чрезвычайно важна для Кузена — ведь еще в Париже он начал работать над переводами Платона и очень нуждался в рекомендациях и советах профессионала. Именно в Германии Кузен «пристрастился» к александрийской философии, что привело потом к публикации неизданных сочинений Прокла.

Гегель очень поддержал его намерения заняться древней философией, хотя в этой сфере приоритеты у них были различны: как замечает Кузен, Гегель больше склонялся к Аристотелю, чем к Платону, между тем как самого Кузена больше интересовал Платон. Гегель очень ценил Декарта, объявляя его отцом всей философии Нового времени, и позже, когда Кузен предпринял издание работ Декарта, всячески приветствовал это начинание. Кузена удивляло, что Гегель, высоко ставя Декарта, куда менее восторженно отзывался о Лейбнице;

а также и то, что Гегель не скрывал своих симпатий к французским философам XVIII в., к энциклопедистам, которых сам Кузен оценивал очень критически. Впоследствии, замечает Кузен, между ними наметилось много расхождений, так что в конце концов политика осталась их последней и единственной связью. В этой сфере они вполне понимали друг друга. Гегель считал Французскую революцию величайшим событием в человеческой истории со времен возникновения христианства и часто расспрашивал Кузена о делах и людях той эпохи. Придерживаясь либеральных взглядов, Гегель, как и Кузен, вовсе не был республиканцем, считая, что республика, возможно, необходима для разрушения старого общества, но неспособна помочь в установлении нового.

С этих пор между философами завязалась дружба. Вернувшись в Париж, Кузен сообщил друзьям, что встретился с гениальным человеком. И все же, как замечает он в одной из работ, впечатление его от Гегеля было «глубоким, но туманным»¹⁹. Стоит отметить, что в воспоминаниях Кузена, особенно в приведенных им выдержках из путевого дневника, отразились разные чувства: и разочарование молодого философа, не нашедшего в прославленной философии той эпохи того, что он ожидал найти; и недоумение по поводу теологических дискуссий, проходивших в Германии; а возможно, и растерянность неискушенного ума перед сложными философскими построениями, которые ему не удалось полностью постичь. В учении Канта он усматривал разновидность скептицизма, в философии природы Шеллинга, с которой тогда был знаком лишь понаслышке, — вариант спинозизма. В дневнике его порой звучат ноты насмешки, иронии. Разочарование Кузена отчасти объяснялось тем, что многие немецкие философы недостаточно владели французским и не рисковали вдаваться на нем в детали своих теоретических построений (характерная деталь, хорошо демонстрирующая особенности тогдашних философских контактов: с Теннеманном Кузен объяснялся на латыни). Несмотря на обилие впечатлений, за несколько месяцев, проведенных в Германии, Кузен не обнаружил того, что искал, — той философии природы, которая дала бы ему возможность развить собственные взгляды. В его путевом дневнике звучит мысль о том, что не стоит пытаться перенести на французскую почву иные, чуждые ей идеи, что французская философия должна развиваться естественно, силами психологического метода, презираемого в Германии, но представляющего собой, по его мнению, «единственный источник всякого истинного света»²⁰.

И все же отныне Германия стала постоянным маршрутом его путешествий. Он побывал там через год, в 1818 г., причем на сей раз отправился на юг. Гегель дал ему советы относительно посещения Мюнхена и тамошних философов, в том числе Шеллинга: «Вы, несомненно, — писал он, — найдете у него открытый прием и манеру

мыслить политически без антифранцузских предубеждений»²¹. Шеллинг читал тогда в Мюнхене лекции по философии откровения. Разумеется, Кузен мечтал познакомиться с мыслителем, о котором уже много слышал как от его сторонников, так и от противников. Он знал, что Шеллинг в начале XIX в. сделал «третий [после Канта и Фихте] и последний шаг в немецкой философии, сходный в сфере науки с тем, который сделали Франция и Европа в области политики»²². В те годы «великое имя Шеллинга» звучало во всех философских школах; одни его прославляли, другие проклинали, его учение повсюду возбуждало интерес. Кузен провел месяц в Мюнхене, общаясь с Шеллингом и Якоби, и наконец, по его собственному признанию, стал несколько лучше понимать, что такое философия природы. В свое время Фридрих Шлегель предупреждал его о том, сколь опасен путь, на который он хочет ступить: ведь от Канта он неминуемо придет к Фихте, а от него к «пантеизму» Шеллинга. Но, самостоятельно оценив ситуацию, Кузен сделал другой вывод: «...последним словом системы Фихте было я, положившее или скорее полагающее себя как единственный принцип. Германская философия, дойдя до этой крайности, должна была погибнуть там или выйти [из этого состояния]: именно Шеллинг был тем человеком, который извлек ее из лабиринта идеалистической и в то же время скептической психологии и вернул к реальности и жизни. Он особенно отстаивал права внешнего мира, природы; отсюда и проистекает название его философии»²³. Кузен высоко оценил такой поворот философии к действительности, и даже в более поздние времена, когда его отношение к немецким коллегам стало куда более прохладным, писал о «великой системе», которой Европа обязана Германии, а Германия — Шеллингу: «Эта система — истинна, ибо она является наиболее полным выражением всей реальности, универсального существования»²⁴.

Кузен посетил Германию и в 1824 г., причем на сей раз его поездка оказалась довольно драматичной. С 1820 г. из-за сложной политической ситуации (усиления ультрароялистов во Франции) он был отстранен от преподавания: он придерживался либеральных взглядов, а в то время, возможно, был близок к карбонариям. На целых 8 лет Кузен отошел от публичной деятельности, избрав иное поприще: он стал воспитателем сыновей герцогини Монтебелло. Когда в 1824 г. ему пришлось сопровождать одного из своих воспитанников в Дрезден, французская полиция предупредила прусское правительство о его приезде. В результате Кузен был арестован в Дрездене по подозрению в связях с немецкими радикалами и отправлен в Берлин. И здесь ему на помощь пришел Гегель, который уже несколько лет преподавал в Берлинском университете. Он обратился с письмом в Прусское министерство внутренних дел, где изложил обстоятельства своего знакомства и общения с французским философом. Гегель охарактери-

зовал его как «человека, который проявлял глубокий интерес к науке, и особенно к своей специальности; в частности, он выражал сильное стремление выработать точное представление о том, как преподается философия в университетах Германии. Такое стремление, особенно ценное у француза, — продолжал Гегель, — старание и основательность попыток понять наши трудные методы преподавания философии, а также то, что явствовало из ознакомления с конспектами, на основе которых он читал свои лекции по философии в Парижском университете, равно как весь его характер, представлявшийся мне глубоко порядочным и сдержанным, — все это вызвало во мне, смею утверждать, живое, почтительное и искренне дружеское отношение к его научным устремлениям»²⁵. Кузен был освобожден только в феврале 1825 г., проведя несколько месяцев под следствием (впрочем, это вынужденное пребывание в Берлине дало ему хорошую возможность для общения с Гегелем). Хотя на его освобождение повлияли, скорее всего, другие факторы, в том числе давление общественного мнения в Пруссии и во Франции, все же вмешательство Гегеля многое говорит о его дружеских отношениях с Кузеном.

Оба немецких философа — и Гегель, и Шеллинг — поддерживали переписку с Кузеном (они писали ему на французском языке). Гегель очень высоко оценил издательскую деятельность Кузена, которая действительно была интенсивной и плодотворной: начиная с 1822 г. он издавал собрание сочинений Платона; в 1824 — 1827 выпустил в свет сочинения Декарта, в 1820 — 1827 — Прокла. 5 апреля 1826 г. Гегель писал Кузену: «...хочу поздравить Вас с тем усердием, на которое способны только Вы, а также поздравляю Францию с тем, что там могла быть предпринята такая грандиозная работа, связанная с изданием философских сочинений. ... Ваше издание сочинений Декарта представляет нам не только начало современной философии, но и во всем объеме картину трудов ученых того времени. Меня радует прежде всего Ваше изложение философии Декарта и Ваша критика этой философии — прекрасная тема сама по себе, к тому же весьма плодотворная для нашего времени с точки зрения метода рассмотрения философии»²⁶. Кузен вспоминал, как Гегель неоднократно говорил ему, что Франция достаточно сделала для философии, дав миру Декарта. А в июле 1827 г. Гегель сообщил Кузену о своем намерении посетить Париж по пути в Нидерланды и повидаться с ним. «Я длительное время размышлял о возможности провести несколько дней в Вашем обществе. Я даже имел смелость разработать проект: или сопровождать Вас при Вашем возвращении отсюда в Париж, или привезти Вас сюда из Парижа... Не исключена возможность, что я удивлю Вас своим появлением в Париже этой осенью, но в любом случае я не хотел бы приехать в Париж в Ваше отсутствие»²⁷. Эта поездка действительно состоялась в сентябре 1827 г., и Кузен сопровождал Гегеля при осмотре города и достоприме-

чательностей²⁸. В последний раз Кузен виделся с Гегелем в Берлине за два месяца до смерти немецкого мыслителя (Гегель скончался в 1831 г. от холеры), и тот с тревогой расспрашивал его о событиях Июльской революции во Франции.

С Шеллингом Кузена связывали скорее чисто деловые отношения, хотя Кузен иногда называл и его своим другом. Философское соперничество Гегеля и Шеллинга сильно усложняло ситуацию, ведь Шеллинг никак не мог одобрить позиции Кузена, который не скрывал своих дружеских контактов с Гегелем и пропагандировал идеи великого диалектика как у себя на родине, так и в Германии. В ряде писем, а также в «Суждении о философии Кузена» — предисловии к одной из работ французского философа — Шеллинг пеняет ему на то, что тот спутал его взгляды с воззрениями Гегеля²⁹. Кузен в самом деле не очень разделял учения Гегеля и Шеллинга, относя их к «философии природы». Он равным образом вдохновлялся «Философией духа» Гегеля и «Философией тождества» Шеллинга. Сравнивая обоих мыслителей, Кузен писал: «...никто не может отрицать, что учитель [т.е. Шеллинг] наделен мощным воображением (*invention*), а ученик [Гегель] — глубокой рефлексией. Гегель многое заимствовал у Шеллинга; а я, гораздо более слабый, чем тот и другой, заимствовал у обоих»³⁰. В своих курсах лекций в Сорбонне Кузен постепенно стал опираться на идеи немецких коллег, хотя разработанный им вариант рационализма сильно отличался от учений Гегеля и Шеллинга. Укоренившись на иной философской почве, попав в другую интеллектуальную среду, эти идеи давали порой совсем неожиданные всходы, предстали в особой, «превращенной» форме, порой весьма далекой от оригинала. По словам самого Кузена, многое отделяло его от его «знаменитых друзей», и прежде всего это касалось проблемы метода: они с самого начала исходили из умознания, он же — из опыта. Стремясь избежать субъективных выводов несовершенной психологии, немецкие мыслители, писал он, «начинают с онтологии, которая является не более чем гипотезой; я же начинаю с психологии, и именно она ведет меня к онтологии, оберегая одновременно от скептицизма и гипотетичности»³¹. Психология, наука о человеческой душе, опирающаяся на внутреннее наблюдение и опыт, является, по Кузену, основанием философии. Гарантию же достоверности знания обеспечивает разум, безличный по своей природе³².

Стремясь соединить в своем «эклектическом спиритуализме» идеи разных учений, Кузен отмечал как одну из важнейших черт современной ему философской ситуации сближение взглядов немецких и французских мыслителей. В лекциях 1828 г. он подчеркивал, что во Франции происходит поворот от сенсуализма к рационализму, а в Германии — от субъективного идеализма Фихте к философии природы. Если французская философия, в результате деятельности целого ряда

мыслителей, стала более идеалистичной, то немецкая от системы абсолютной субъективности, с вершины пирамиды «я», «спустилась на землю», заявила о более реальных взглядах. А это значит, полагал Кузен, что «господство исключительных систем сенсуализма во Франции и субъективного идеализма в Германии миновало... что французская философия благодаря новому идеализму, германская — благодаря учению о природе стремятся встретиться и подать друг другу руку, и в этом слабом еще соединении формируется в тиши подлинный эклектизм в европейской философии»³³. Будущее, утверждал он, принадлежит совсем иной философии, чем сенсуализм и субъективный идеализм, борьбой которых был наполнен XVIII в. Под этой «иной философией» Кузен подразумевал, конечно, собственное учение.

Современные исследователи, соотечественники Кузена, порой довольно скептически оценивают его философские достижения. Так, по словам Доминика Жанико, Гегель был Кузеном воспринят, но «опошлен», и причиной тому — сама личность Кузена, который был скорее оратором, чем философом³⁴. Возможно, оценка эта слишком сурова, но трудно отрицать, что Кузену действительно трудно было бы равняться с немецкими мыслителями по масштабу и силе философского дарования. Его философия претерпела много изменений, в ее развитии выделяют разные этапы, но часто и в работах одного периода можно встретить суждения, не очень согласующиеся друг с другом. Идеи, почерпнутые из разных теоретических источников, нередко сосуществовали в его учении без особой связи друг с другом, не сочетаясь в единое целое. И все же его роль во французской культуре XIX в. оказалась очень значительной. Именно Кузен, как мы видели, стал посредником в философских контактах между Францией и Германией в ту пору, когда эти контакты были еще очень стихийными, спорадическими. Впоследствии он стал одной из самых влиятельных фигур в сфере французской политики, философии, образования. После 1828 г., когда политическая ситуация в стране изменилась и Кузен смог вернуться к преподаванию, он превратился в одного из видных, респектабельных представителей французского истеблишмента, а с 1830-х гг. его философия приобрела статус официального учения в Университете. При Июльской монархии Кузен занимал целый ряд высоких постов — он был директором Нормальной школы, министром народного просвещения, пэром Франции; в 1830 г. возглавил Королевский совет народного просвещения. Впоследствии, после революции 1848 г. и государственного переворота 1851 г., он был вынужден отказаться от преподавания и заняться литературным трудом. Но период его руководства сферой просвещения оставил глубокий след в истории образования во Франции.

Одним из важнейших направлений деятельности Кузена в системе образования было развитие историко-философских исследований. Известно, что XIX столетие было временем усиленного развития

исторического знания, роста интереса к историческим изысканиям в разных областях. Кузен заинтересовался историей философии еще до поездки в Германию, а после знакомства с достижениями немецких коллег, с работами Гегеля по истории философии и философии истории его решимость развивать эту сферу знания упрочилась. Он восхищался тем уровнем, какого достигла история философии в Германии, и надеялся, что Франция, «вернувшись на поприще философии, которое она открыла остальным народам»³⁵, и здесь тоже завоеует достойное ее место. Историю философии он понимал очень широко, включая в нее историю религий, историю искусств, богатства, законодательства и даже отчасти физическую географию. Кузен приписывал ей исключительную роль, считая, что она превосходит все иные формы исторического знания: «...как философия есть вершина человеческой природы, так история философии есть вершина истории»³⁶ — и даже единственная подлинная история, история истории. Кузен всячески поощрял историко-философские исследования, в том числе популяризацию среди французских интеллектуалов идей немецкой философии. Правда, эта его деятельность далеко не у всех встречала понимание: напротив, со стороны его политических и теоретических противников (в том числе приверженцев сенсуализма, господствовавшего во французском высшем образовании до Кузена) звучали обвинения в «канто-платонизме», в пропаганде учений, исходивших из враждебной державы.

Постепенно вокруг Кузена сложилось целое сообщество исследователей и переводчиков, среди которых были не только его ученики и последователи, но и сторонники иных философских взглядов, вполне независимые по духу. В 1839 г. Академия моральных и политических наук объявила по предложению Кузена конкурс на критическое рассмотрение немецкой философии, и прежде всего учения Канта. Это способствовало исследованиям, которые, в свою очередь, привели к публикации серьезных работ по данной тематике, а также переводов трудов Канта, Фихте и Шеллинга. Таким образом, именно Кузен, как отмечает М. Геру, «дал первый импульс движению, из которого гораздо позже вышла... современная французская школа истории философии»³⁷. Добавим, что уже одно это можно было бы считать очень ценным итогом философских путешествий Кузена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отечественной литературе освещалась политическая философия этой эпохи (например, в работах М.М. Федоровой). Что же касается теоретической философии, то здесь работа только еще начата (см., например: *Кротов А.А. Философия Мен де Бирана*. — М., 2000).

² Важные моменты этой филиации идей выявил и уточнил французский философ-хайдеггерианец Доминик Жанико (см.: *Janicaud D. Une généalogie du*

spiritualisme français. Aux sources du bergsonisme: Ravaissou. – La Haye, 1969; вторым изданием книга вышла под названием «Ravaissou et la métaphysique. Une géologie du spiritualisme français». – Paris, 1998).

³ Cousin V. Fragments philosophiques. Préface de la deuxième édition // Cousin V. Œuvres. T. 2. – Bruxelles, 1841. P. 19. (Далее – Préface.)

⁴ Ibid.

⁵ Одна из ранних работ М. Анри «Философия и феноменология тела» имеет подзаголовок «Опыт о бирановской онтологии». Здесь автор, переосмысливая идеи Бирана об аффективности и телесности, отмечает, что главные выводы данной книги легли в основу его дальнейших исследований (См.: Henry M. Philosophie et phénoménologie du corps. – Paris, 2011. P. VI (первое издание 1965 г.).

⁶ Cousin V. Promenade philosophique en Allemagne // Revue des Deux Mondes. Sept. – oct. 1857. P. 535.

⁷ См.: Staël G. de. De l'Allemagne. II. – Paris, 1968. P. 127 – 154.

⁸ Cousin V. Préface. P. 19.

⁹ Первый номер этого журнала вышел в июле – августе 1829 г. В «Предуведомлении» задачи издания были изложены так: «...нужно хорошо знать, что происходит или происходило у других народов, чтобы заимствовать из их учреждений лишь то, что могло бы быть применено к нашим нравам, нашему характеру, к развитию нашего просвещения, к географическому положению нашей территории» (Avertissement // Revue des Deux Mondes. Juil. – août 1829. P. I). Помимо вопросов политики, администрации, дипломатии, предполагалось уделить внимание освещению нравов, характеров других народов, их религиозным верованиям. В журнале, активно работающем и теперь, регулярно публикуются, как и прежде, статьи по философской проблематике.

¹⁰ Cousin V. Kant et sa philosophie // Revue des Deux Mondes. Janv. 1840. P. 382.

¹¹ Ibid. P. 536.

¹² Мемуары Кузена вышли также в составе сборника: Cousin V. Fragments et souvenirs. – Paris, 1857 (3-е éd.).

¹³ Cousin V. Promenade philosophique en Allemagne. P. 536.

¹⁴ Cousin V. Souvenirs d'Allemagne // Revue des Deux Mondes. Mars – avril 1866. P. 594. Имеется в виду сражение 16 – 19 октября 1813 г. при Лейпциге («битва народов»), где была разгромлена армия Наполеона.

¹⁵ Ibid. P. 606.

¹⁶ Ibid. P. 615.

¹⁷ Ibid. P. 616.

¹⁸ Ibid. P. 547.

¹⁹ Cousin V. Préface. P. 20.

²⁰ Cousin V. Promenade philosophique en Allemagne. P. 548 – 549.

²¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. – М., 1971. С. 373 – 374.

²² Cousin V. Souvenirs d'Allemagne. P. 603.

²³ Cousin V. Préface. P. 20.

²⁴ Ibid. P. 21.

²⁵ Гегель – Прусскому министерству внутренних дел (черновик) // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. С. 469 – 470.

²⁶ Гегель – Кузену. Берлин, 5/4 1826 // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. С. 478.

²⁷ Гегель – Кузену. Берлин, 1 июля 1827 г. // *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 2. С. 491.

²⁸ Подробно описывая в письмах жене свое пребывание в Париже, Гегель сообщал: «Что мы с Кузеном вместе и всегда в сердечном согласии – разумеется само собой» (Там же. С. 496).

²⁹ См.: *Aus Schellings Leben. In Briefen. Bd. 3. 1821 – 1854.* – Leipzig, 1870. S. 41 – 42; Jugement de Schelling sur la philosophie de M. Cousin et sur l'état de la philosophie française et de la philosophie allemande en général // *Le Cahier.* 1988. № 6.

³⁰ *Cousin V.* Préface. P. 21.

³¹ Ibid.

³² Подробнее о философских взглядах Кузена см.: *Кротов А.А.* Трактовка сознания в «эклектическом спиритуализме» В. Кузена // *Философия сознания: история и современность.* – М., 2003. С. 121–127.

³³ *Cousin V.* Cours de philosophie. Introduction à l'histoire de la philosophie. – Paris, 1991. P. 354.

³⁴ *Janicaud D.* Victor Cousin et Ravaisson, lecteurs de Hegel et Schelling // *Les études philosophiques.* 1984. № 4. P. 456; см. также: *Gueroult M.* Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie. T. III. En France. De Condorcet à nos jours. – Paris, 1988. P. 711 – 736. Марсиаль Геру, известный французский историк философии, считал, что Кузена можно сравнить скорее с Цицероном, чем с Гегелем или Шеллингом (Ibid. P. 736).

³⁵ *Cousin V.* Cours de philosophie. Introduction à l'histoire de la philosophie. P. 89.

³⁶ Ibid. P. 86 – 87.

³⁷ *Gueroult M.* Dianoématique. Livre I. T. III. P. 736.

Аннотация

Виктор Кузен был одной из главных фигур во францужско-германских философских контактах первой половины XIX в. Его путешествия в Германию, знакомство с Гегелем и Шеллингом существенно повлияли на рецепцию немецкого идеализма во Франции. Кузен стал также реформатором системы французского образования, способствовал развитию историко-философских исследований, в чем тоже сказалоcь влияние немецких традиций.

Ключевые слова: французская философия XIX в., спиритуализм, В. Кузен, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Шеллинг.

Summary

Victor Cousin was one of the main figures in the French-German philosophical contacts in the first half of the 19th century. His travels to Germany, familiarity with G.W.F. Hegel and F. Schelling had a significant impact on the reception of German Idealism in France. Cousin was also a reformer of the French education system, contributed to the development of the historical and philosophical studies, what also was influenced by the German tradition.

Keywords: French philosophy of the 19th century, spiritualism, V. Cousin, G.W.F. Hegel, F. Schelling.